

⁶ Бронте Э. Агнес Грей. Незнакомка из Уайлдфелл-холла. Стихотворения. М., 1990. С. 182.

⁷ Там же. С. 220.

⁸ Там же. С. 221.

⁹ Там же.

¹⁰ Лауретис Т. де. Риторика насилия // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 351.

¹¹ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 52.

О. Г. Сидорова

Понятийно-терминологическое поле постколониального дискурса

В последние десятилетия XX века термин «постколониальная литература» прочно вошел в зарубежное литературоведение. Дисциплина «постколониальная литература» входит в программы университетских курсов многих стран мира, создан ряд теоретических работ по данной тематике, издана хрестоматия, в которую вошли работы известных авторов по постколониальной культуре (The Postcolonial Studies Reader. London; New York, 1995). Между тем терминология постколониального дискурса отличается некоторой размытостью, и даже сам термин «постколониальная литература» продолжает вызывать споры.

Возникновение постколониальной культуры и комплекса дисциплин, связанных с ее появлением (постколониальная теория, постколониальная художественная и литературная критика), может быть отнесено ко второй половине XX века и связано с конкретными историческими событиями этого периода — распадом колониальной системы в глобальном масштабе.

В результате распада империй на карте мира появилось множество независимых государств, которые возникли вместо бывших колоний. Само понятие «постколониальная культура» — культура, сложившаяся в бывших колониях, вобравшая в себя элементы культуры колонизаторов и поработенных ими народов, то есть,

по определению известного теоретика Хоми Бхаба, обладающая свойством *гибридности* — тесно связано с понятием «колония». Этимологически слово «колония» восходит к латинскому «colonia» — «фермер, поселенец в новой стране», слово, которым пользовались римские авторы для перевода греческого слова ‘apoikia’ — «поселение людей из дома», ‘apoikoi’, то есть эмигрантов, основавших вдали от родной земли самостоятельные поселения — полисы, островки родной культуры.

Толковые словари современного английского языка приводят следующие дефиниции:

«Concise Oxford Dictionary»:

COLONY — (Gk. hist.) independent city, founded by emigrants; (Roman hist.) settlement usu of veterans in conquered territory acting as garrison; settlement, settlers in new country forming community fully or partially subject to mother state; their territory; people of one nationality or occupation in a city, esp if living in a special quarter. (Lat: colonia; colonus — farmer, colere — till).

КОЛОНИЯ — (Греч. ист.) независимый город, основанный эмигрантами;

(Др.-римск., ист.) поселение, обычно ветеранов, на покоренной территории, действующее как гарнизон; поселение, поселенцы в чужой стране, образующие общину, полностью или частично подчиненную их государству; их территория; люди одной национальности или рода занятий в городе, особенно проживающие в отдельном районе (Лат: colonia; colonus — фермер; colere — пахать землю).

«New Webster's Dictionary of the English Language»:

COLONY — (Lat.: colonia < colo, cultrum — to till, hence: cultivate, culture). A body of people transplanted from their mother country to a remote province or country, and remaining subject to or connected with the jurisdiction of the parent state; the country planted or colonized; any group of individuals with common or similar language, interests, or occupation, living in close associations; ... the section inhabited by such a group.

КОЛОНИЯ — (Лат.: colonia < colo, cultrum — пахать землю, отсюда — культивировать, культура). Группа людей, переселившихся из родной страны в отдаленную провинцию или страну, юридически подчиненных или связанных с метрополией; созданное таким образом или захваченное государство; любая группа людей, говорящих на одном или родственных языках, имеющих общие интересы или занятия, проживающих компактно.

Обратим внимание на тот факт, что исторически «колония» и «культура» — слова, восходящие к одному корню, а процесс колонизации связан прежде всего с привнесением в отдаленные земли своих законов и культуры.

В современном русском языке значение слова определяется следующим образом:

С. И. Ожегов. «Словарь русского языка», 1987.

КОЛОНИЯ — 1. Страна, насильно захваченная и эксплуатируемая империалистическим государством (метрополией), лишенная государственной самостоятельности.

2. Поселок, состоящий из выходцев из другой страны, области: немецкие колонии в царской России.

3. Сообщество, совокупность людей какой-нибудь страны, земляков, живущих в чужом городе, в чужой стране.

Сравнение дефиниций позволяет говорить о том, что первое значение слова, широко распространенное в современном русском языке, становится основным не сразу, исторически значение данного слова связано прежде всего с процессом перенесения своей культуры и языка на чужую почву.

Связь понятий «колония» и «культура», зародившаяся в античные времена, вновь становится явной во второй половине XX века в связи с возникновением постколониального пространства. Под постколониальным пространством мы имеем в виду не столько географическое, но прежде всего культурное пространство, сферу активного взаимодействия разнородных культурных (этнических, религиозных, национальных) факторов, возникшее как результат существования колониального владычества. После распада империи политическая карта мира разительно изменилась, но постколониальное культурное пространство продолжает существовать. В рамках постколониального пространства две культуры подвергаются активному взаимному влиянию и трансформации. Постколониальное пространство — континуум, в котором осуществляется встреча культур и их взаимодействие, причем культуры в данном случае «говорят» друг с другом, а не одна от имени другой, как это было, например, в колониальной литературе. В постколониальном пространстве актуализируется оппозиция «свой» — «чужой», но «чужой» в данном случае — это необходимый элемент

для осознания альтернативности культуры. «Ситуация перехода от монокультуры к культурному многообразию на пороге XXI века заложена в самом механизме культуры, которая строит себя как пространство замкнутое, противоположное бытию ~~д~~ другого, и в то же время ее развитие возможно только в открытом, коммуникативном пространстве. «Иное», «другое» играет конструктивную роль для самоосознания культуры»¹.

Неоднозначностью характеризуется термин «постколониальная литература»:

1. «Взятый буквально, термин “постколониальная литература”, очевидно, означает литературу, созданную людьми из стран, которые ранее были колониями других народов. Нет сомнения, что этот термин означал первоначально»²; «Постколониальная литературная критика — изучение литературы, написанной покоренным народом на языке (бывших) колонизаторов»³.

Накопление, хранение и трансляция культурной информации являются одной из важнейших функций языка. Совокупность ключевых концептов каждой национальной культуры создает собственную концептосферу, соотносимую с национальной картиной мира. Концептуальную картину мира можно описать как идеальное образное представление о мире, набор концептов, которыми обладает и оперирует та или иная нация, следовательно, языковая картина мира — отражение этого образного представления в языке. Используя «чужой» язык при создании литературных произведений, постколониальные авторы вторгаются в сферу концептов двух культур.

2. Несколько позже появляется концепция постколониальной литературы как одного из направлений литературы колонизаторов, которая также оказывает влияние на другие направления данной литературы. Влияние культуры покоренной страны на культуру и литературу колонизаторов может быть различным. Во-первых, эта литература становится «постколониальной» в том смысле, что она находится в состоянии взаимодействия с культурой покоренной страны. Кроме того, после распада империй ряд жителей бывших колоний приезжают на территорию метрополии, становясь носителями одновременно двух культурных традиций.

Ярким примером такого взаимовлияния культур становится литература Великобритании конца XX века.

В 80-е годы XX века в английском языке вслед за словом «яппи» (*'yup-pies'* — аббревиатура от *'young upwardly mobile professional people'* — «молодые рвущиеся вверх профессионалы») появилось слово *'buppies'* — *'black yuppies'* = «черные яппи», что отражает существенную тенденцию развития современного британского общества: впервые в истории в Британии появился небелый средний класс. По данным серьезной газеты «Гардиан» от 20 марта 1995 года, «цветной средний класс уже существует, и он постоянно растет. По данным официальной статистики, к нему можно отнести примерно 56 тысяч человек из первого и второго социального классов»⁴, классов, включающих в себя самых высокооплачиваемых управленцев и людей, занимающихся умственным трудом.

После Второй мировой войны в Британию был официально разрешен въезд по британскому общегражданскому паспорту жителям стран Содружества, то есть бывших колоний. В 1962 году был принят первый из серии законов, ограничивающий этот поток эмигрантов, но семьи тех, кто уже переселился в метрополию, прибывали туда в 70—80-е годы. Сегодняшнее небелое население Великобритании составляет примерно 7 % от всего населения страны, или четыре миллиона человек. В Лондоне, по разным оценкам, количество небелого населения составляет 10—15 %.

Дети эмигрантов, выросшие в Британии, говорят на двух языках, часто на английском лучше, чем на языке предков. Те из них, кому удастся получить образование в местных университетах (отметим, что система образования, которая в Британии всегда носила подчеркнуто социально значимый характер, после Второй мировой войны стала заметно демократичнее), и составляют небелый средний класс.

Одной из сквозных тем английских писателей-мультикультуралистов естественным образом становится жизнь в Англии выходцев из бывших колоний и других неевропейских стран. Так, роман Кадзуо Исигуры «Неясный вид холмов» (1882) посвящен жизни в Англии японки Етсуко, покинувшей родную страну после Второй мировой войны, роман Тимоти Мо «Кисло-сладкий соус» (1982) описывает жизнь китайского сообщества в Лондоне, роман Кэрил Филипс «Последний проход» (1985) рассказывает о жиз-

ни в Британии молодых людей — выходцев из стран Карибского бассейна, книга, а затем и фильм Ханифа Курейши «Будда из предместья» (1990) — полная парадоксов история пакистанского мальчика, который живет в одном из пригородов Лондона. Следует, однако, сделать несколько уточнений. Во-первых, наряду с двумя мировыми войнами потеря империи стала для Великобритании крупнейшим историческим событием XX века, болезненно отразившемся не национальном самосознании англичан и не нашедшем немедленного отражения в литературе. Фактически тема распада империи появляется в британской литературе ближе к концу века, по истечении нескольких десятилетий после реальных событий (например, «Раджийский квартет» П. Скотта, 1966—1974, и его продолжение, роман «Оставшийся», 1975, посвященные событиям в Британской Индии). Тема распада империи и его значения для миллионов людей становится, таким образом, одной из центральных не только для английских писателей неевропейского происхождения, но и для ряда писателей-англичан.

В свою очередь, неверно было бы сужать тематику и мировоззрение произведений писателей-мультикультуралистов. Они в равной степени принадлежат европейской и национальной культурным традициям, и это находит отражение в их произведениях на всех уровнях идейно-эстетической системы. Вот как оценивал их роль и место в британском литературном процессе сэр Малькольм Бредбери: «Важное культурное достижение последних десятилетий, новый интернационализм в рамках британской литературы, тесно связано с возникновением в мировом масштабе постколониальных и мультиэтнических литератур. Это направление нашей литературы отличается от литературы стран Содружества, третьего мира или литературы этнических меньшинств тем, что писатели, о которых я сейчас пишу (*Шива Найпол, Салман Рушди, Бучи Эмечета, Тимоти Мо и Кадзуо Исигура*), пишут о своих родных странах или о своем эмигрантском опыте изнутри британского литературного процесса, к которому они принадлежат. Такой интернационализм отражает несколько существенных особенностей современности: самоосознание молодых наций, легкость международных путешествий и коммуникаций, создание всемирного книжного рынка, повсеместное использование английского как глобального

языка, возможность того, что ассимиляция в британскую культуру для тех, кто живет в Англии, больше не является недостижимым идеалом»⁵.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в рамках термина «постколониальная литература» объединяются по крайней мере два литературных направления. Тем не менее именно этот термин на сегодняшний день представляется наиболее удачным для обозначения сложного и многогранного явления, которое реально существует и во многом определяет современный литературный процесс. «Употреблявшееся раньше название “литература стран Содружества” является слишком узким и вышло из моды, кроме того, оно чрезвычайно евроцентрично. Предложенное кем-то “литература, ориентированная на английскую” оставляет в стороне многие богатые литературы Африки, написанные на европейских языках, иных, чем английский, а если понимать данный термин буквально, то трудно уловить разницу между традиционными направлениями британской и американской литературы и той литературой, о которой идет речь в данной дискуссии. “Новая литература на английском” (или “на английских”, как подчеркивают некоторые критики) делает ненужный акцент на “новизну” и снова не учитывает те страны, где по-английски не говорят. “Литература третьего мира” вообще не имеет смысла после развала Советского Союза и коммунистического “второго мира”. Название “литература развивающихся наций и стран” выводит на первый план экономическую парадигму, с чем не согласны теоретики постколониальной культуры»⁶.

Таким образом, можно утверждать, что понятийно-терминологический аппарат постколониального дискурса находится в стадии становления, что связано с рядом факторов, среди которых можно выделить новизну и быстрые темпы развития постколониального культурного и литературного процесса, его объективную сложность и многогранность, многокомпонентность, принципиально новый взгляд на культуру в обществе на пороге XX и XXI веков.

---

⁵ Беляев В. П., Дроздова А. В. Культура в современном информационном обществе // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2001. С. 15.

² *Brians P.* Postcolonial Literature: Problems with the Term // Paul Brains' home page com. P. 3.

³ *Kujawinska-Courtney K., Gross A. S.* Words about eloquence. M., 1998. P. 281.

⁴ *Johnson A.* The Buppie Blues // *Guardian weekly*. 1995. March 20. P. 19.

⁵ *Bradbury M.* No, Not Bloomsbury. L., 1987. P. 192.

⁶ *Brians P.* Op. cit. P. 5.

Д. Н. Солодовникова

Онегинские строфы Викрама Сета

Однажды в одном из своих интервью Викрам Сет заметил: «Я никогда бы не стал писателем, если бы не “Евгений Онегин” в прекрасном переводе Чарльза Джонстона. Но ведь и Пушкин не написал бы “Евгения Онегина”, если б ему не попался байроновский “Дон Жуан” в плохом французском переводе. Продолжать можно до бесконечности»¹. Что имел в виду Сет, говоря о «бесконечности»? С одной стороны, это национальная литературная традиция, начало которой уходит далеко в прошлое. С другой стороны, преемственность, существование общего литературного контекста, некая метатекстуальность, о которой хорошо было сказано двумя французскими учеными, Клодом Пишо и Андре Руссо: «Ничто не может существовать в изоляции, поскольку подлинная изоляция — смерть <...>. Кто-то всегда заимствует у кого-то другого, и явление взаимообмена универсально и постоянно»². Таким образом, обращение Пушкина к творчеству таких его литературных предшественников, как Байрон, Стерн, Данте, Шекспир и другие, закономерно и обосновано, хотя иной раз, как это случилось с «Евгением Онегиным», оно ошибочно принимается за простое подражание. Несомненно, Пушкин ориентировался на Байрона, когда создавал свой роман в стихах, и свидетельства тому — письма поэта. Спустя полгода после начала работы над «Онегиным» Пушкин в письме к П. А. Вяземскому сообщает, что пишет роман в стихах «в роде Дон-Жуана»³. Известно, что в процессе создания